

Всеволод Константинович Лукьянов, артист Омского ордена Трудового Красного Знамени драматического театра, народный артист РСФСР, почетный гражданин города Норильска:

„На земле этой вечной живу...“

Что сердцу дорого?... Если бы меня спросили об этом раньше, когда я был молод, когда не было за плечами большой жизни, не знаю, что бы сказал... Наверное, потому, что самое заветное, памятное, святое каждый из нас не только получает в наследство от родной земли, от дома — колыбели детства, от родителей, но обязательно выверяет собственной судьбой. На долю моего поколения немало выпало испытаний, утрат... Чего стоит только Великая Отечественная война! Но сегодня, когда стала седой голова, когда называют нас ветеранами, я горжусь, что принадлежу именно к этому поколению — стойкому, непреклонному и всем бедам и трудностям вопреки — счастливому!..

Меня судьба не обидела — ни на друзей, ни на учителей. Пионеры, комсомольцы, старшие товарищи — всех объединяла в едином порыве причастность к великим историческим событиям, что в свою очередь формировало высокое чувство гражданства. Ответственности за каждый прожитый день, за каждый поступок, а в конечном итоге —

за судьбу Отечества. Никто не упрекнет мое поколение за это, может быть, громкие слова...

Я жил как все, и счастье юности было уже в том, что мог выбрать в жизни любую дорогу. Отцовскую, например. Он считал, что я должен быть, как он, инженером-строителем, если вся страна — огромная стройка. Магнитка, Комсомольск-на-Амуре — кому не светило, кого не манили эти маяки! Но поверьте, строительство железной дороги Саратов—Миллерово тоже было грандиозным событием. Время меняется, и понятие грандиозности теперь воплощено в других словах, делах — БАМ, Атоммаш, КамАЗ, космос, но если бы не было в годы первых пятилеток, как сказали бы сейчас, строк «местного значения», кто знает, как бы все сложилось, ведь уже на Западе разгорался пожар войны, и проверяли прочность наших границ то японцы, то белофинны.

Отцовское слово — авторитетное: в строители так в строители. Когда понял, что влечет сцена, достоял на своем — удрал из дому свою дорогу

торить. И стал артистом Саратовского театра юных зрителей. Но отец признал мое решение верным, когда я уже стал заслуженным артистом РСФСР.

В 1941 году работал я в Саратовском ТЮЗе. В тот день, когда началась война, в театре шел утренний спектакль «Финист—ясный сокол». По сказке Финист должен был спасти Русь в бою с врагом. Далекое прошлое вдруг соприкоснулось с настоящим и гневом, и болью. Но с верой в нашу победу, каким бы ни был путь к ней, говорил я, актер, адресованные юным зрителям, юным гражданам слова о том, что «стояла и стоять будет земля русская».

Ушел добровольцем на фронт. Спасибо жене — поняла меня, проводила, как положено. То и дорого, что душою понято.

3 декабря 1941 года наш минометный дивизион выгрузился в Химках, под Москвой, а через два дня принял бой на Волоколамском направлении. Жарким, жестоким было то сражение, жажду утоляли снегом, почерневшим от взрывов

и гари. Нес солдатскую службу, и все помнится — торжество победы в битве под Москвой, начало наступления, дорога на запад.

У всех у нас оставалось позади мирное дело — у кого поле, у кого цех заводской, у кого школа... Это уже после, когда отлегла от сердца тревога за столицу, за общий наш дом, когда дрогнуло и, огрызаясь, стало пятиться в свое логово фашистское зверье, в солдатские будни вошла армейская самостоятельность — «кто сказал, что нужно бросить песни на войне?» И я читал стихи, был замечен, мол, дар у солдата, и пришлось признаться, что я — артист...

Назначили начальником клуба дивизии, под началом — машина — кинопередвижка, кинемеханик, семь музыкантов. Не по тылам километры наматывали — по передовым позициям, насколько позволял кабель, чтобы в блиндажах «картины крутить». По перемене к шофером Федей водил наш «газик», пока не дошли до Кенигсберга. Потом перебрались на Дальний Восток, и война для меня окончилась в Харбине. Был контужен, награды имею, но самая главная награда та, что вот уже тридцать семь лет светом и миром над родной землей восходит солнце.

Мне очень дорога передача Омского радио «Ты помнишь, товарищ...» Два года ее позывные слышат омичи. И пишут письма ветераны войны, их друзья, дети, внуки, не только вспоминают фронтовые дороги, но и рассказывают о трудовых делах. В майской передаче принимал участие Василий Кириллович Щепанов. Звенели медали на пиджаке, но особенно подкупало, как с гордостью он говорил о своем отношении к труду — за все годы ни одного прогула, ни одного опоздания. Может быть, кто-то посчитает эти факты второстепенными в его судьбе, а я понимаю исток его гордости как чувство ответственности за конкретное дело, лично ему доверенное.

Сколько страниц в летописи Великой Отечественной войны, которая по крупицам воссоздается нашим народом! И есть особый вклад в победу сибиряков. Приходят письма из разных городов страны, потому что не забывается фронтовая дружба. Приходят пись-

ма солдатским вдовам и детям, выросшим без отцов, от тех, кто приносит цветы на братские могилы, к памятникам солдатского подвига. Я читаю эти строки, как ведущий этой передачи, — слезы подступают к глазам, волнение перехватывает голос — «о память сердца, ты сильнее расщелка памяти печальной...».

Что сердцу дорого?... Отвечу: мир. Короткое, простое слово, а какая дорогая у него цена!..

Мне дорога моя актерская профессия. Художник просто обязан жить теми высокими идеями, которыми живут современники. Нравственный стержень человека, его духовный мир формируется искусством. Не знать или не понимать искусство, на мой взгляд, хуже, чем ненавидеть. Рядом с равнодушными, циничными людьми страшно жить, с ними нужно бороться. Так я понимаю свое назначение в жизни, и потому заслуженный отдых для меня — работа, ибо жить вне людей, без людей, без творчества — немислимо.

Задачи нравственного, эстетического воспитания касаются меня и как актера, и как гражданина, и как коммуниста с сорокалетним партийным стажем. Иначе, наверное, нельзя. И когда кто-то говорит, мол, меня это не касается, жизнь идет, есть квартира, мебель, машина, дача — что еще? — меня до глубины души возмущает мешанская, как сорняк, философия. Я, твердой закалки человек, «одного боюсь», как сказал поэт, «чтоб не обмелели наши души». Чтобы благосостояние не обернулось сытостью, ведь все прекрасное на земле произрастает на ниве беспокойства.

Не выношу скептиков, брюзжащих по любому поводу, снобизма, «бронтозавров» всех мастей. С высокой трибуны театра проповедую внимание к людям, доброту, беззаветность служения делу, любовь к Отечеству.

Много лет работал в Заполярном Норильске, «у планеты на окраине», где трудно прожить с низкой температурой души, потому что жизнь там такая — с перегрузками. Мороз, пурга, долгая полярная ночь, металлургия (добыча и выплавка меди, никеля) — производство тяжелое. До театра ли людям? Но директор горно-

металлургического комбината Владимир Степанович Зверев был одержимым человеком, равно болющим за план и за наполненность человеческих душ. Это он в обыкновенный жилой дом своею волей «вписал» театр, а потом его перестроил. В его кабинете видел скромный плакат: «Не можешь — не обещаешь, можешь — сделай». Когда я готовил главную роль в пьесе «Директор» Аleshина, мне было у кого брать уроки — у Зверева, у Владимира Николаевича Всевяцкого, у Владимира Ивановича Долгих, у многих норильчан — друзей, единомышленников, просто знакомых... Много лет жизни и труда отдано Заполярному театру — это тоже дорого сердцу.

Когда я был молод и только начинал актерскую биографию, был у нас в Саратовском театре прекрасный актер — народный артист РСФСР, мой учитель — Слонов. Он часто играл роли русских императоров — прекрасно играл! Мне же выпало счастье воплощать на сцене людей, которые, так сказать, низвергали самодержавную власть, — Сергея Мироновича Кирова, Климента Ефремовича Ворошилова, которые за новую жизнь боролись, как Юлиус Фучик. И, конечно, особое значение в творческой биографии — образ Владимира Ильича Ленина в спектаклях «Кремлевские куранты», «Третья патетическая», «Цветы живые», «Грозовой год», «Финал», «Шестое июля», «Именем революции», «Между ливнями». Тринадцать лет жизни отдано этой трудной, дорогой сердцу работе, которая не могла не оказать своего влияния на меня, столь высокие были ленинские уроки. Может быть, это закономерное явление в моей судьбе!..

Жизнь идет. И год у нас по своему звучанию, по своей значимости особый — шестьдесят лет братскому Союзу Советских республик, братству, закаленному в боях, скрепленному созидательным трудом. И самое дорогое в этих быстроек днях для всех нас — возможность строить счастливую жизнь, а для каждого в отдельности — работать и жить с сознанием, что ты нужен людям на нашей вечной земле.

Публикацию подготовила В. Луговская.

Фото С. Калинина.